

Томский
государственный педагогический
институт

1930

1960

МОЛОДОСТЬ
литературно - методический
альманах

Томск - 1960

ТОМСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

1930

1960

МОЛОДОСТЬ

ЛИТЕРАТУРНО – МЕТОДИЧЕСКИЙ
альманах

Томск
1960г.

через автор

через автор

0-29

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Этот номер альманаха "Молодость" посвящён тридцатилетию нашего института.

В нём приняли участие главным образом выпускники историко-филологического факультета. Очень разнообразны и богаты жизненные пути у этих людей.

Воспитанники института — сейчас учителя советской школы, научные работники, журналисты, писатели, у них огромный опыт, хорошее знание жизни и много впечатлений.

В альманахе Вы найдете очерк известного советского писателя Юрия Стрехнина, автора большого романа "Пушки еще не смолкли", отрывок из новой повести Николая Попова, книга которого "Дочь учителя" получила известность не только в нашей стране, но и за рубежом, стихи заместителя редактора Яшкинской районной газеты Михаила Саулова и произведения других авторов.

В альманахе включены написанные ими воспоминания, очерки, стихи, отрывки из художественных произведений.

Суровые года
Скитались, вдали,
Слышались на далеких
Плоскостях степных

Скитались сады,
Рощи, горы,
И, вдали, горы,
И в долине степи.

Стихи

В издании 1919 г.,
Ленинград, 1919 г.
Тираж 1000 экз.

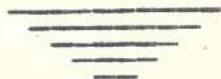
Как в далекие времена,
Слышались вдали горы,
И в долине степи,
Скитались сады.

Торопливые годы
Сменялись, летели.
Вот опять по проспектам
Позёмки прошлись.

Приходили студенты,
Дерзали, кипели
И, окончив учёбу,
Шли в новую жизнь.

Их дела, и дерзанья -
В служенье Отчизне,
Если надо, забудут
Покой и уют.

Как счастливую юность,
Как мечту своей жизни,
Они помнят тебя,
Дорогой институт.

Анатолий САУЛОВ,
студент

из цикла "В страду"

С Т У Д Е Н Т К И

Не оробели, боевые,
/"не такое видели!"/,
Встали девушки впервые
На мостки копнителя.

Встали, трудятся примерно,
Хоть работа новая.
Запорошены на ветре
Золотой соломой.

Перерыв - почти+за сутки -
Полчаса, не более.
И опять в работе руки
С первыми мозолями.

А на отдыхе с подругами
Тянут руки:

- Гляньте-ка!..

Говорят:

- Бывает туго,

Но зато - романтика!

Анатолий САУЛОВ,
студент

КТО ДОГАДАЕТСЯ?

Руки мелькают быстрые,

Споро работа ладится.

Смотрят подруги искоса:

- Ты у нас - как ударница!

- Что вы, девчата! Где уж там,

Просто так, настроение...

Песню затянет деаушка -

Слушаешь с восхищением.

Всем она улыбается,

Словно цветок весенний.

Кто же, кто догадается,

Что у неё - день рождения?

Р О М А Н Т И К А

/отрывок из поэмы /

Каждый раз, как отец,
Исходив километры,
Возвращался усталый
Из дальних поездок назад,
Приносил он с собою
Дыханье весеннего ветра
И волнующий, тонкий
Полей аромат.
Был отец мой геолог,
Любитель походов,
В нём тревог и исканий
Горел огонёк.
Он тянулся к тайге
Всё сильнее и сильнее год от года,
Жить без выюг и просторов
Он просто не мог.
Может быть, потому
Так глубоко и рано
Захватил моё детство
Путешествий порыв.
Часто снились ночами
Какие-то дальние страны

И походных стоянок

Ночные костры.

Тихий месяц в саду

Между веток маячит,

Утомленно клонится

Ко сну голова.

Выпадает из рук

На тетради и школьный задачник

Интересный роман

О безлюдных больших островах.

И Жюль Верн, и Майн Рид

Стали близкими всем нам.

Незнакомую жизнь

Мы спешили по книгам узнать,

И хотя у доски

Мы блуждали порой в теоремах,

Но зато географию

Знали на "пять".

...Сорок первый мы помним.

Прощались с отцами.

Паровозный свисток

Задрожал, как струна.

Всколыхнулся перрон,

Замахал на прощанье платками,

Непонятно и страшно

Звучало: "Война..."

А в тетрадах у нас,
Меж задач и спряжений,
Рисовался горящий,
Идущий в пике самолёт.
Нам тогда не пришлось
Задыхаться в кошмарах сражений
И к земле припадать
Перед сильным и властным:
- Вперед!
От тревожных вестей
Было жутко и страшно:
Продвигались бои
Далеко на восток.
Где-то наши бойцы
Погибали за нас в рукопашной,
Чтобы школьный учебник
Могли бы мы знать назубок.
Шли года...
Над Берлином
Победные флаги повисли.
Возвращались солдаты,
Добрили при встрече глаза.
Я не встретил отца:
Он погиб в сорок пятом на Висле,
На прощание кровью

Записку семье написав.

...Задышалась весна

В аромате сирени,

Нежный иней в садах

Цвёл и радовал глаз.

В этот памятный день,

Безмятежно -весенний,

Беззаботное детство

Кончалось для нас.

Аттестат на руках...

А в неведомой шири

Ждут дороги, привалы,

Волнения ждут.

И тогда-то без споров

Мы с друзьями решили

Край любимый познать,

Поступать в институт.

Быть геологом - значит

Проститься с домами,

Жить в палатке простой

Где-то на Ангаре.

Быть готовым всегда

Сдать любой,

Даже трудный экзамен,

Верить в дружбу, в успех

И любовью гореть...

Михаил САУЛОВ,
ВЫПУСКНИК

Ю Б И Л Я Р У

Время, что положено отстукав,
Шелестит годами на земле.
Дай твою взволнованную руку,
Коль тебе сегодня - тридцать лет.

Далека ещё стальная осень,
Ты в расцвете сил своих, и в дар
Мы тебе цветы души приносим,
Ты всегда нам близок, юбиляр.

Михаил САУЛОВ,
выпускник

ВЕСЕННЕЕ

Режет лица ветер колкий.
Стынет улица. Февраль.
А на стёклах по посёлку
Рассыпается хрусталь.

Норовит согреться чаем
Пешеход, мороз коря...
Ну, а я весну встречаю
Не в столбцах календаря.

Мне давно письмо прислала,
Шаловливая она:
"Скоро буду. Для начала
Жду стихов твоих. Весна".

Значит, серебриться маю,
Петь колосьям целины.
... Я по-своему считаю
Расстояние до весны.

Михаил САУЛОВ,

ВЫПУСКНИК

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Когда луна искрится светом
И путник ею очарован,
Я знаю, что поддельно это,
Что свет у солнца уворован.

Я, может, и не прав отчасти,
Но только тут обмана нету:
Твоё устроенное счастье
Сродни воробанному свету.

Ты никого не обокрал ,
От рук твоих никто не плачет,
Но всё же я б тебе сказал,
Что ты преступник, не иначе.

За то, что все равно тебе,
За, то, что свет в душе потушен,
За то, что в жизни и борьбе
Ты безучастно равнодушен.

А П Р Е Л Ь

Ветер вихрем по задворкам кружит,
Вороша осенних листьев прель.
И шагает, шлёпая по лужам,
Ласковым хозяином апрель.

Разбросал озёра по низинам,
Разукрасил даль голубизной,
И шумят потоки по долинам,
И клокочут в пене кружевной.
То он вдруг дохнёт по утру стужей,
Вышьет гладью пёстрый бархат нив,
То навяжет кружева на лужах,
То капелью дружной зазвенит.

Обнажились степи — нет конца им,
В роще завели базар грачи,
И звенят шальными бубенцами
Вдоль дорог весёлые ручьи.
И во всём сквозит весны дыханье:
В пробуждённых рощах и садах,
В птичьем гаме на сухой поляне
И в твоих задумчивых глазах...

ДЕСЯТИКЛАСНИЦЕ

В классе ты отвечаешь уверенно,
С чуть заметной улыбкою даже,
И не ждёшь у доски растерянно,
Пока кто-то тебе подскажет.

А под вечер в весеннем сквере
Ты двух слов для меня не свяжешь.
Да и сам я стою растерянный,
Будто жду, пока кто-то подскажет.

А. САУЛОВ,
Ю. САМСОНЕНКО

Р О В Е С Н И Ц Е

Ветер утрами ранними
Хлопает громко ставнями.
Зелень свою недавнюю
Сбросили тополя...

Месяц идёт за месяцем,
Больше с тобой не встретиться.
Где же ты, моя ровесница?
Где же ты, любовь моя?

Многое было прожито,
Грустное и хорошее,
Кто виноват, что прошлое
Стало таким чужим?

Помнятся взгляды нежные,
Эти глаза безбрежные,
Видно, любовью прежнею
Вечно мы дорожим...

Ты уж не та, наверное,
Помнишь ли, дружбу верную,
Наше свиданье первое
В рожице у ручья?

... Месяц идёт за месяцем.
Как же с тобой нам встретиться?
Где же ты, моя ровесница?
Где же ты, любовь моя?

МОЙ ДИПЛОМ

Я держал его с самого дня выпуска с документа-
ми. Тщательно выверенная обложка слегка измята,
но зато на ней красилась тире. Неудачно. В этом го-
ду - особенно для моего диплома, и мало ли где при-
дется его в нем использовать, я распечатал его. На обороте
было написано красными: "№ 403407", "с отличием",
и дата выдачи: "выдан 31 июля 1940 г."

Проза

Отец мой был инженером, скиман в рубаше голубой
и голубые штаны. Он, однокурсыник, выжил
на своей работе только на углу Дневской, которое за
этот год стало для нас родным домом, а впереди -
будущее. Будущая работа, право на которую на-
шлось в моих документах: "устанавливается квалификационная
и научная работа". Радоваться этому, но и грустить:
было не только трудно. Посади ты студенческая
камера в ее достоянии. Будешь напряжением, нужными спе-
циальными знаниями, чуждыми работ, дисциплинами
иногда, иногда одеждой...

Мало ли нас было в дипломе выдан из дверей
каждому из нас. Не только умение препода-
вать, но и умение. Мы учились класс в
классе. В этом коллективе да-

М О Й Д И П Л О М

Я достаю его с самого дна шкатулки с документами. Темносиняя коленкоровая обложка слегка измята, кое-где по ней прошли трещины. Немудрено. В этом году - двадцать лет моему диплому, и мало ли где пришлось мне с ним побывать. Я раскрываю его. Наверху чётко отпечатано красным: "№ 495407", "с отличием", а внизу надпись чернилами: "выдан 31 июля 1940 г."

Помню этот день. Радостные, сжимая в руках только что полученные дипломы, мы, однокурсники, вышли из дверей белого здания на углу Киевской, которое за четыре года учёбы стало нам родным домом, а впереди - самостоятельная, почётная работа, право на которую записано в наших дипломах: "присваивается квалификация и звание учителя". Радовались этому, но и грустили: позади не только трудное. Позади вся студенческая жизнь с её постоянным бодрым напряжением, шумными спорами, священной тишиной читальных залов, предэкзаменационными ночными бдениями...

Каждый из нас вместе с дипломом вынес из дверей института не только знания. Не только умение преподавать русский язык и литературу. Мы научились жить в дружном, спаянном коллективе. В этом коллективе каж-

дый стал виден таким, каков он есть на самом деле. В этом коллективе раскрылись способности каждого из нас. Я вспоминаю, какие обстоятельные доклады делали на наших семинарах "академики" - Сади Белкин и Соня Меркурьева, ставшие потом и в самом деле на стезю науки. Вспоминаю, как в первых практических уроках, которые поочередно вели мы в ближайшей школе, уже тогда раскрывался педагогический талант Абрама Сальника, Маши Заглядиной, Жени Родина и других. Вспоминаю, с каким энтузиазмом мы с Виталием Морочных и Дифой Манусович готовили наш рукописный журнал "Молодость" и с великим прирастием "по косточкам" взаимно разбирали сочинения друг друга на занятиях литературного кружка. А наши коллективные труды над очередными номерами "Литератора" - нашей факультетской стенгазеты, в редакции которой я бесценно исполнял обязанности литературного правщика и художника, и с рвением рисовал карикатуры на нерадивых! А как веселил нас наш штатный "завклуб" Юра Ельцов, ставший теперь таким важным директором телецентра, и с каким удовольствием слушали мы в общежитии скрипичные концерты Славы Гордиенко! Впрочем, не всё и не всегда, ибо вдохновенный Слава брался за смычок иной раз и тогда, когда другим нужно было сидеть над книгой. И как уже тогда была видна предрасположенность к ру-

ководящей работе у Льва Солуянова и Всеволода Сенкевича.

Где-то вы теперь, мои однокурсники? мои товарищи по пятидесятой группе литфака? Сколько за двадцать минувших учебных годов все мы вкупе дали уроков, сколько тысяч ребятшек, курсантов и студентов по всей земле советской выучили, сколько сотен лет педагогического стажа накопили? И сколько за это время каждым из нас прожито и пережито?

Я невольно спрашиваю себя об этом, глядя на свой выдавший виды диплом.

С ещё совсем новеньким дипломом я приехал в разорённый после финской войны, только что ставший нашим Выборг. Нехватка учителей, работа за троих — в школе, на курсах, в училище культработников. Война. Выпускные экзамены под вой сирен воздушной тревоги. Потом блокадный Ленинград, десятая спецшкола. Промороженные классы, в которых, случалось, во время урока, прямо за партой незаметно умирал от голода ученик.

Я взял диплом с собой, когда нас, едва держащихся на ногах, по "дороге жизни" повезли из Ленинграда на восток, в эвакуацию — в мои родные сибирские края. Я не взял диплом с собой, когда после нескольких месяцев, проведённых в глубоком тылу, поехал на фронт, уже младшим лейтенантом, только что окончившим Бар-

наульское пехотное училище.

Всю войну мой учительский диплом ждал меня. Как часто в тесной землянке или в ночном походе, на одной из многих дорог, которыми пол-Европы прошёл наш стрелковый полк; я мечтал о том дне, когда смолкнут пушки, а я сменю фронтную гимнастёрку на пиджак и одним, при любой погоде - прекрасным утром, привычно взяв классный журнал, войду в класс, и меня встретят тридцать пар внимательных ребячьих глаз: "Новый учитель приехал!"

Но долгожданная победа наступила, а погоня осталась на моих плечах - снял я их только через восемь лет после окончания войны. Так было нужно. Мне не пришлось вернуться к прерванному войной любимому моему делу, и только воспоминанием о нём остался у меня мой старый диплом.

Я не вернулся в школу и позже, когда кончилась моя военная служба. Не вернулся потому, что другое дело захватило меня: я не мог не писать о том, что видел и пережил в годы войны - так родились мои книги о ней, я стал профессиональным литератором.

После выхода каждой моей новой книжки я получаю письма от читателей. И хотя я не пишу специально для детей, чаще всего эти читательские письма - от школьников. И когда тринадцатилетний ценитель литературы,

какой-нибудь Ваня Лошаков из шестого "в" сообщает, что моя книжка ему понравилась, я радуюсь этому не меньше, чем похвале маститого критика. Радуюсь потому, что знаю: если книжка понравилась Ване Лошакову, значит я этой книжкой в чём-то помог тем учителям, которые стараются, чтобы Ваня вырос настоящим человеком - а значит, я и теперь своей работой в чём-то оправдываю то народное доверие, символом которого для меня всегда остаётся мой учительский диплом. Доверие, которое ко многому обязывает каждого из нас.

Н. ПОПОВ,

выпускник пединститута.

ГОСТИ У ПИОНЕРОВ

Глава из повести "Костры над Чишмой".

В воскресенье к нам должны были приехать родители. Накануне мы всё спрашивали у Бегунка насчёт погоды. Витя сказал, что барометр поднимается и, наверно, будет ясно.

Больше всех ждал воскресенья мой двоюродный братишка Вова. Он недавно прыгнул через ров, сломал очки и ждал, что бабушка привезёт новые. Она хоть и сказала по телефону, будто очки не купит, но это она только так сказала. Без очков Вова ничего не видит, а в лесу сразу заблудится.

После завтрака мы выбежали за ворота лагеря и стали ждать кто папу, кто маму, а кто дедушку. Малыши уселись на изгороди, словно воробьи. Алик Виноградов забрался на кедр и навел на дорогу бинокль.

- Пока родители не обнаружены!...

Ренар тоже хотел лезть на кедр, но Лена остановила.

- Да у тебя уши грязные! Беги скорее на Чишму, вымой.

- Чего их десять раз мыть? Что я, девчонка!..

- А как же ты маму встречать будешь?

Ренар присвистнул.

- Так она сразу и будет уши смотреть! Что она из-за моих ушей в лагерь едет!

Ренара разве переспоришь, но за Лену вступились Бегунок, Оксана, Кузя, с Вовой и выпроводили Ренара умываться.

Алик сложил руки трубочкой и объявил, будто громкоговоритель:

- Внимание! Внимание! На дороге показался мотоцикл. К нам приближается мотоцикл.

- А ведь это мой папа! - обрадовалась Лена и побежала навстречу.

Статный военный приглушил машину, оправил китель и весело сказал:

- Здравствуйте, товарищи пионеры!

- Здравствуйте, - ответили мы.

- Ну как лагерная жизнь?

- Хорошо!..

- У нас здесь весело!

- Товарищ капитан! В лагере всё в порядке, пионеры здоровы! - отрапортовал председатель первого отряда Костя Рябиков.

- Вижу, что здоровы и веселы! - засмеялся! - засмеялся капитан и посмотрел кругом. - Чудесные места у вас здесь, ребята.

Папа Лены весёлый, разговорчивый и, наверно, очень добрый. Он привёз два кулька шоколадных конфет и тут же

роздал ребятам. Мы, конечно, не брали, но он и слушать не стал. Маленькая Бина хотела убежать, он поймал её за руку и положил две шоколадки в кармашек платица.

- Два ордена, четыре медали! - переговаривались ребята, разглядывая у него на груди колодочки.

- Знаешь, Катя, что? - шепнула мне Касима. - Лена на папу совсем не похожа. Она белая, - белая, а он вон какой чёрный. И глаза у него не голубые, как у Лены, а тоже чёрные.

- Так ведь он ей не родной. Он её из детдома взял, - вспомнила я.

- А- а! - кивнула головой Касима... - Только он её очень любит, кажется. Вон они под руку к Чишме пошли.

- Внимание! Внимание! К лагерю идет много народу. Ой, моя мама!.. - закричал Алик и чуть не кубарем скатился с кедра.

Наверное, пришел автобус, от леса шло с сумочками и узелками человек двадцать.

К Бегунку приехали три брата. Все они рослые, загорелые, смуглые и очень походят на Витю.

- Вот сколько Бегунков! - засмеялась Зоя. - Витя говорил, старший брат - машинист поезда, второй - слесарь, третий в 9 класс перешёл.

- А мы тебе, Виктор, огурцов привезли, - сказал старший брат.

- Со своего огорода, - добавил средний и подал

узелок. - Вас огурцами здесь кормят? Ну, своих покушай, товарищей угости.

- А я тебе, Витя, зелёную майку выстирал, ласково проговорил младший. - Высушил, выгладил. Носи на здоровье.

- А как мама?..

- Поправляется. Только врачи говорят, ещё не скоро ей стирать можно будет.

- Зоя взяла меня за руку.

- У Бегунков мама операцию перенесла, так они сами и пол моют, и бельё стирают, и обед варят.

Четверо братьев посидели на скамейке и пошли купаться.

К рыжему Кузе приехал дедушка; маленький, сухонький старичок в белом парусиновом костюме, соломенной шляпе и с тросточкой. Он вежливо поздоровался с вожатой Марией Ивановной и стал расспрашивать о внуке.

- Как наш Кузя тут? Не нарушает этот самый...

режим?

- А вот пусть он сам скажет.

Кузя потупился и давай теревить ремешок, будто ремешок был в чём виноват.

...-Мне выговор на сборе объявили... за побег... За то, что я ходил золото искать.

- Какой побег? Какое золото?- встревожился дедушка, снял пенсне и опять посадил их на нос.

Тогда, путаясь и запинаясь, Кузя принялся расска-

зывать о походе, о том, как они с Кузей убежали искать золото, а потом беглецов чуть не всем лагерем рызскивали. Дедушка поминутно снимал пенсне и приговаривал: "Вы подумайте!"..

- Уж вы Кузю извините, Мария Ивановна. Папа с мамой у него в экспедиции. Я в бухгалтерии по горло занят. Внучек у меня, знаете, неплохой, только очень, очень... неорганизованный.

Мария Ивановна ещё долго о чём-то разговаривала с дедушкой, а мы с Вовой всё посматривали на дорогу. Ко всем родные едут, а к нам нет.

- Что же я без очков делать буду? - жалобно сказал Вова. - Если бабушка не приедет, тогда что?

- погоди, приедет ещё. - А у самой чуть не слёзы на глазах. Ну почему бабушка с мамой не едут!

Вот и к Ренару мама приехала. Она высокая, полня, в малиновом плаще, который шуршит, когда она пошевелится. Она зовет сына Реночкой. "Ой, Реночка, не наколи ножку! Ой, Реночка, не оступись! Кушать хочешь, Реночка? Может, ты колбаски скушаешь? Или сыру? А вот пи-рожки с вареньем. Твои любимые, Реночка".

А он на неё косится и головой мотает. "Не хочу, не надо, не буду!"

Мама Ренара привезла большую корзину, а в ней всякие банки и свертки, будто её сына здесь не кормят.

- Ой, Реночка, я не могу так быстро идти. У меня

сердце бьётся.

А Ренар скривил губы и фыркнул.

- Оно у всех бьётся. Если у тебя сердце перестанет биться, так ты умрёшь.

Из-за кустов вышел капитан с Леной. Он, наверно, слышал последние слова, покраснел и круто повернулся.

- Ах, маленький нахал!.. Как ты смеешь матери дерзить?..

Капитан был так рассержен, что Ренар съёжился, будто его хотели побить. Но папа Лены, конечно, ему ничего не сделал и даже извинился перед мамой Ренара.

- Простите, гражданка! Не удержался... Отчитал вашего сына. Дайте пожалуйста корзину.

- Зачем?

- Пожалуйста, разрешите!

Он взял из её рук корзину и передал Ренару.

- Неси!

Потом опять извинился и как ни в чём не бывало, пошел под руку с Леной.

- Вот видишь, Реночка, а я о тебе забочусь, а ты меня слушать не хочешь, - заговорила с укоризной мама. - Не стыдно? Потихе иди. А в окно тебе не дует возле постельки? А по росе не ходишь босиком? Товарищи не обижают тебя?

Больше не было слышно, о чем они говорили.

- Как же! Обидишь такого!.. - переглянулись ребята.

Скоро мы остались за воротами лагеря одни. Чего я

только не передумала!.. Может, бабушка заболела, а мама за ней ухаживает. Или, наоборот, заболела мама, а бабушке уехать от неё нельзя. Или в автобус попасть не могут, или с автобусом авария. Только нет, сколько народу из города приехало. Значит, автобусы ходят хорошо.

-Ну, ничего, Вова. Мама с бабушкой в то воскресенье придут. Наверно, им некогда.

Я пошла к ребятам, а Вова остался у ворот.

Возле конторы, в цветнике, было многолюдно.

Взрослые и ребята рассматривали свежую газету в витрине под стеклом. "Чего это читают?" - подумала я.

- Иди, Катя, скорей, - позвала Касима. - В газете портрет дедушки Зои напечатан.

Я едва протиснулась к витрине. Вижу - улыбается с газеты весёлый старичок с кучой бородкой и длинными пушистыми усами. Глаза у него немножко лукавые, точь-в-точь как у Зои. Внизу написано: "Лучший плотник деревообделочного завода Василий Макарович Шалунов.

- Гордитесь, ребята, своими отцами и дедами! - сказал кто-то.

- Которая здесь внучка Шалунова? Покажись!

- Зоя застыдилась и боком-боком за акации.

- Смотрите, какой весёлый дедок. Недаром у него и фамилия Шалунов. Только почему - Шалунов?

А вот всегда смирный Ваня сейчас не растерялся и стал с жаром рассказывать.

- Это еще прадедущке, а может, пра-прадедущке нашему такую кличку дали. Уличную кличку. В нашем роду все плотники. Прадедущка очень хорошо дома строил. Топор у него так и шалит, так и играет. Вот и прозвали - Шалунов. А ещё все Шалуновы весёлые. Петь, плясать мастера...

- Значит, ты тоже веселый?

- Нет, я смирный. У нас Зоя веселая.

Все засмеялись, а Кузин дедушка развёл руками.

- Подумать только!..

Потом гости пошли осматривать лагерь. Красный уголок у нас большой. Здесь мы вчера расставили экспонаты похода в Старую Чишму.

- "Чем богат наш край?" - прочитал на вывеске капитан. - Любопытно.

- Смотрите-ка, уголь, торф, известняки, глины.

- Э-э, да тут и лесные богатства представлены.

- Только чего вы, ребята, зверей не настреляли?

Картинки развесили.

- Хорошо сделано! Молодцы пионеры! А этот гербарий тоже четвертый отряд готовил?

- Четвёртый отряд у нас боевой! - похвалила Мария Ивановна.

Капитан улыбнулся. Ему, наверно, было приятно слышать хорошее об отряде, где председателем его Лена.

- Посмотрите, здесь ещё вышивки есть! - удивился Кузин дедушка. - Прекрасные вышивки! Что-о? Даже

мальчики вышивают?

- Васильки, как живые стоят! - одобрил старший Бегунок. - Смотрите-ка: "Шалунов В." Значит, Шалуновы не только плотничать, и вышивать умеют.

Теперь застыдился Ваня и выбежал из комнаты, и все опять засмеялись.

Гости осмотрели дачи, спортплощадку, метеорологическую станцию и вышли на луга к Чишме.

Капитан предложил сыграть в горелки. Ребята закричали "ура!" и стали уговаривать взрослых поиграть с ними. Это была чудесная игра. Бегали четверо Бегуновых, мама Оксаны Гороховой, Мария Ивановна, ребята, но больше всех - весёлый капитан. Мама Ренара сперва жаловалась на больное сердце, но потом не утерпела и побежала в паре с Аликом.

- Какое веселье! - радовался Кузин дедушка. - Какое веселье!

Наконец, он топнул ногой, отбросил шляпу с тросточкой и подошел к Бине.

- Давайте, юная барышня... Виноват, юная пионерка, и мы с вами побежим.

Ребята захлопали в ладоши.

- Раз, два, три-и! - скомандовал капитан.

Дедушка с Биной ринулись в разные стороны, а за ними вдогонку Касима.

- Дедушку, дедушку лови! - закричали мы.

Дедушка смешно увёртывался, отпрыгивал, будто

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Рассказ

...Каратаев наконец увидел их на заросшем мелко-лесьем склоне горы, у какой-то расселины. На этот раз он целился долго, тщательно... Один, высокий, уткнулся в землю, другой, коренастый, сполз за выступ скалы. Каратаев прислушался. Из лощины эхом доносились выстрелы, рёв моторов. Там ещё шёл, затухая, бой. Каратаев побежал к убитым, чтобы взять документы. Длинный оказался подполковником. Щеголеватый, пожилой, он, очевидно, и был командиром разгромленной у перевала бригады. Рядом валялась жёлтая полевая сумка. Нагибаясь за ней, Каратаев услышал выстрел и вслед за ним — щелчок осечки. Изогнувшись, он повернул на звук автомат, но японец прыгнул на спину. Каратаев рванулся и заскользил вниз, до крови обдирая руки. Потерял равновесие и японец.

Они очутились метрах в пятнадцати друг от друга, спрятались за выступами скальных пород. Каратаев вскинул автомат. Ещё неосознанной тревожной болью в сердце отдался одиночный выстрел. Заело? Зажимая кровоточащее бедро локтем, Каратаев передернул затвор. Нет патронов! Рука скользнула к ремню, но запасного диска не было. Потерял? Оставил? Где? Когда?.. Однако и японец не стрелял. Каратаев видел лишь часть гладкого желтоватого лица и руку с пистолетом /собственно, он видел не руку, а лишь указательный палец, согнутый на спусковом крючке/. Мо-

жет, заметив наших, боится? Выжидает... Слышно, как стучит сердце. Неужели все, конец? Почему он не стреляет? Каратаев до боли в виске прижимается к отполированному ветрами камню. Щеку жгёт. Эта сторона расселины полдня уже освещается солнцем. "А если у него тоже кончились патроны? - не сводя глаз с застывшего, как гипс, пальца, думает он. - Только бы не заметил, что Каратаев ранен, не сможет преследовать!"

"Руки вверх!" - хочет крикнуть Каратаев и не может. Ему кажется, что палец на спусковом крючке дрогнет и...

-Руки вверх, - спокойно предлагает Каратаев. Ни звука в ответ. Чёрный глаз, кусок лба. Пистолет и длинный белый палец на спусковом крючке... "Неужели не понимает? Нет, враг не может не знать этих слов!"

Х Х Х

"Отчего же он не стреляет? - думал и японец. -

Ранен? Он должен быть ранен. Кагемару не мог промахнуться с пяти шагов. Может, душа его уже рас-

стаётся с телом?" Кагемару чуть приподнялся; взгляд

встретился с поблескивающим глазом противника. Чёрный зрачок автомата, дрогнув, склонился к земле.

Так и есть: он умирает!.. Нет! Не от физической сла-

бости опустил автомат - глаза не обманули бы Ка-

гемару. Значит, русский не хочет стрелять.

"Руки вверх!" - слышит Кагемару. Русский предлагает сдаться. Кагемару нужен живым. Живым? Сдаться он мог и там, на дороге. Кагемару не хочет советского плена! Не хочет!

Не поднимая пистолета, чтобы не усилить бдительность русского, Кагемару старается присесть так, чтобы взять врага на прицел. Надо стрелять наверняка, чуть повыше горящего глаза... Но ему это не удаётся. Тогда он стал медленно приподнимать пистолет. Но и зрачок автомата тоже подпрыгнул вверх. Кагемару до боли в спине прижался к шероховатому, как дресва, камню. Теперь они почти не видят друг друга. Кагемару думает: может, русский рассудит трезво, уйдёт - ведь за ним путь к шоссе. Зачем ему умирать в этой расселине? Кагемару опускает пистолет, отводит взгляд. "Уходи, солдат, уходи! - говорит и сердце и разум Кагемару, говорит его жест, его взгляд. - Уходи, русский!"

х х х

Каратаев понимал: схватка неизбежна. За спиной врага расселина смыкается отвесными уступами. Японец может уйти только мимо него - живого или мёртвого. Уйти самому? Цепляясь за камни, это можно сделать почти незаметно. Но тогда уйдёт и японец, и кто знает, какую штуку выкинет в тылу". Левой рукой Каратаев обшарил карманы: не завалился ли где хоть один патрон? Ствол автомата опустился и теперь смотрел в землю... Пусть. Не надо держать противника в напряжении. Надо, чтобы он понял,

что нужен живым.

- Сдавайся, - Ниппон, жизнь, - негромко говорит Каратаев.

О, Япония, жизнь... Снова музыка, театры, прогулки с друзьями, невестой... Первые месяцы казарменной жизни он чуть не каждую ночь видел всё это во сне.

Кагемару трётся спиной о жёсткий песчаник, стараясь втиснуться в склон расселины.

х х х

Студент консерватории, Сабуро Кагемару был мобилизован в разгар войны.

- Меч даст нам всё, и гораздо быстрее науки.

А музыка хороша после победы, - сухо сказал ему, прощаясь, отец - издатель токийской газеты. Он недолюбливал сына, за увлечение музыкой, за странную дружбу со студентами, чьи родители не имели "положения в обществе".

26 июля 1945 года Сабуро встретился с отцом в Мукдене.

Остановившись в лучшем отеле города, Кагемару добился увольнения для сына на три дня и принимал в тот вечер высоких гостей, тех, чьи имена приводили Сабуро в трепет... Склонившись к Сабуро, и, глядя в его оробевшие глаза, один из них поднял чашку.

- За флаг Восходящего Солнца! - Он выпил и,

по-отцовски радуясь, что, наконец, настало время посвятить сына в тайны того, как делается общественное мнение, во имя чего ведутся войны...

х х х

Отец! Если бы ты хоть минуту простоял под стволом автомата! Под чужим, холодным, как могила, отец!

Сколько времени стоит он? Минуту, две?

Какими невероятно длинными кажутся секунды, когда стоишь вот так — под равнодушным, как сама смерть, зрачком автомата! Но только сейчас, придя в себя, Кагемару замечает, что зрачок его смотрит мимо. Мимо! Русскому явно мешает выступ скалы. Что бы попасть наверняка, надо сделать полшага в сторону. Но эти полшага будут стоить ему жизни. Кагемару не промахнётся! И вспоминает: сколько осталось в магазине пистолета патронов?

"Гранату бы!" — с тоской думает он.

х х х

"Ну, что было сэкономить хоть одну лимонку!" — ругает себя и Каратаев.

Солнце раскалило и металл, и камень. За воротник и на глаза стекают струйки пота. Хочется пить. Хочется присесть: здоровая нога устала держать двойную тяжесть. Медить нельзя. Враг здоров, а он ранен. Нельзя ждать помощи. Нельзя ждать чуда, —

убеждает Каратаев сам себя. Вокруг — только камень и небо. Да палящее солнце. И не сдающийся враг. Враг, у которого есть патроны...

х х х

Из-за выступа скалы Кагемару видна только часть крутого лба, глаз. Кагемару мог бы мгновенно отскочить в сторону — русский не успеет опомниться, как будет убит в упор. Но если снова осечка? Или он не сумеет первыми пулями убить его? Тогда русский разрядит свой автомат в грудь Кагемару.

...Что изменится в мире, если станет на одного русского меньше? А если... то в мире будет меньше на одного японца. Но этот японец — он. В мире не будет его, Сабуро Кагемару. Зачем тогда этот мир — земля, музыка, солнце?

Но что делать? Как убедить русского, что он не хочет ему зла, пусть уходит...

— Чайковский! Глинка! — почти без акцента вдруг произносит японец, и Каратаев, собрав остаток сил, вдруг метнулся в сторону, вскинув автомат. Теперь они стоят лицом к лицу. Две-три минуты назад Кагемару инстинктивно нажал бы спуск. И, наверное, промахнулся... Сейчас, когда в сердце ещё звучала музыка, каждой нотой воспевавшая жизнь, белые, длинные пальцы пианиста инстинктивно разжались. Грубо звякнул у ног пистолет...

Русский не выстрелил. "Жизнь!"

С помощью Кагемару Каратаев перебинтовался.

Пистолет и нож японца он взял, а автомат повесил ему на шею. опершись на пленного, махнул рукой вдоль расселины.

- Пошли. Музыкант?

Японец кивнул, улыбнулся.

- Доигрался...

Кагемару догадался: в автомате русского нет патронов. Сам ранен; без него, Сабуро, так и остался бы в этой расселине навечно. Он почувствовал себя обманутым. Грубо, нахально. Он мог бы сам пленить русского. И вернуться в Японию героем.

А если... вырвать пистолет? Ножевая рана, которую, возможно, успел бы русский нанести, не будет опасной. Наконец, он может столкнуть его под гору так, что тот не успеет выстрелить. Даже если останется жив, Кагемару успеет скрыться. И когда решение созрело, представил: а что ему делать в горах? **Ван**

Безоружному, голодному? Армия, во всеилие которой он верил ещё вчера, гибнет. Долг? Во имя целей, о которых так откровенно говорил отец, он уже не сможет жертвовать собой. Не будет бороться тенью!

Когда они остановились, Кагемару, обливающийся потом, прошептал:

- Еда. Рассвет.

"Ага. готова на убой, вас покормили на рассвете", - понял Каратаев. Сели. Каратаев достал галету, отдал половинку японцу. Отвинтил фляжку, где

хранилось граммов сто водки, разделил. Пленный недоуменно посмотрел старшине в глаза, взял. Улыбнулся, обняжив мелкие белые зубы. Галету грыз, подставив ладонь, чтобы не сыпались крошки. Солнце золотило лишь верхушки гор; в долинах и по склонам разливался полумрак, приятный холодок.

С назойливостью осенней мухи боролась с сердцем мысль: надо пристрелить пленного и выспаться. Третьи сутки он на ногах. Веки как свинцовые, мысли обрываются, гаснут. А завтра он доползёт до дороги... Один. Пока японец жив, спать опасно. Каратаев старался перехватить его взгляд, но японец сидел, полузакрыв глаза и тихо раскачиваясь из стороны в сторону, что-то пел заунывное, выворачивающее душу.

Каратаев понял: после трёх часов, которые он шёл, опираясь на плечо врага, после того, как разделил с ним единственную галету, не сможет убить его. Кончив петь, Кагемару помолился и свернулся калачиком. На всякий случай Каратаев связал пленному руки своим брезентовым ремнём.

...И вот Кагемару снова стоит, прижимаясь к скале, целится в русского. Осечка, снова осечка. Кагемару сдаётся и, усыпив бдительность русского, убивает его камнем. И вот — свобода! Мукден. Вместе с отцом он едет на аэродром. Вон из этой нищей страны! К чёрту эту самоубийственную войну!

Вдруг Кагемару с ужасом замечает, что они окружены толпой китайцев — в рубищах, босых, полуголых. Изможденные лица, холодно горящие глаза. Они молчат и смотрят на него. "Да как они смеют?! Где охрана?" — думает Кагемару. — "Разойдись, свиньи!" — хочет крикнуть он и — просыпается, привстаёт. Русский спит! Дыхание Кагемару перехватывает, затекшие руки вздрагивают. Кагемару старается взвесить всё спокойно. Ремень он перетрёт о камень. Он даже не освобождая рук может вытащить у русского свой нож, разрезать ремень. При первой возможности он переоденется и будет пробираться в Японию. И тут перед глазами встал кошмар этой ночи. Кругом враги. Миллионы глаз. Вспомнилось: толпу нищих, голодных людей он видел из окна автомашины в Мукдене. "Потенциальные хунхузы"^{1/}, — подумалось тогда о них. Кагемару смотрит туда, где чуть подёрнулась алошью рассвета полоска неба. Да, у русских здесь всюду друзья, у него — враги. Разве умирать от китайской пули приятней, чем от русской? Какую недосыгаемо далёкой виделась сейчас родина. И не короче ли путь к ней через Россию? Он ложится навзничь и долго смотрит в медленно светлеющее небо.

^{1/} Так японцы называли партизан.

...Второй раз Кагемару будит песня. Русский перебинтовывает ногу, поёт:

И когда на броневом автомобиле
Вернёмся мы, объездив полземли,
Не спрашивайте, скольких мы убили,
Спросите лучше, скольких мы спасли...

Заметив, что пленный проснулся, Каратаев сказал:
- А ведь всё, шабаш. Не смогу я идти. - Чувствуя,
что пленный его не понял, пояснил жестами.

Японец встал, пригнулся, показывая на спину:
давай, мол...

х х х

Это было в августе тысяча девятьсот сорок пятого года. Шла война, и солдаты на проходящих мимо автомашинах недоумевали: японский солдат выносил из гор раненого советского солдата...

Ф. ТИХМЕНЕВ,

учитель - пенсионер

ТАК НАЧИНАЛАСЬ КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Как же начиналась она, если ответить коротко?

- Просто, буднично и страстно.

Вспоминаешь об этом - и гордые переживания волнуют сердце. Сколько своеобразной и неповторимой героики в нашем недавнем прошлом! Даже в маленьком, даже в повседневном! И как грустно сознавать, что эти милые героические "мелочи" бесследно уходят в туманные дали вчерашнего дня... Прошло, пережито, забыто,,, Жаль!.. Очень жаль!

Весьма остро испытывал я это сожаление, посетив клуб ветеранов педагогического труда при Томском Доме учёных. Беседуя группами в ожидании доклада, бывшие педагоги часто обращались к воспоминаниям о давно минувших днях.

Совершенно случайно я натолкнул на воспоминания учительницу Антонову. Несколько месяцев тому назад я наблюдал одну встречу в книгоцентре. К Антоновой, углубившейся тогда в просмотр книжки, обрадованно подошел загорелый мужчина лет пятидесяти, по внешним признакам служащий из района.

Он весело поздоровался.

- Всё вспоминаю Ваши постановки, Прасковья Григорьевна! - громко сообщил он. - До чего же замечатель-

но сыграли Вы тогда "Украину"! Тридцать восемь лет прошло, шло, всё помнится. Незабываемое впечатление! Без всяких преувеличений незабываемое!..

Прасковья Григорьевна смутилась тогда, даже беспокойно огляделась вокруг: высказанная похвала требовала учета времени, без этого она могла быть неправильно воспринята посторонними.

Вот об этой-то встрече я и напомнил Антоновой в клубе пенсионеров: где, когда и какую "Украину" сыграла она на какой-то сцене?

...! - Это было в 1921 году в селе Шевели, - пояснила Прасковья Григорьевна. - Это близ Кемерово, я там тогда учительствовала. Мой муж Андрей Гаврилович секретарём сельсовета работал. Возглавили мы самодеятельность, Представляете ли Вы, с каким увлечением играли наши "артисты"? А жадную любознательность, восторженность тех "зрителей" разве выразишь, разве измеришь! Вы обстановку вспомните: нищета и разруха! Голод! Тиф!.. Меня самое в тифозной горячке с новогодней школьной ёлки на носилках унесли... Ни настоящей сцены, ни декораций, ни занавеса, ничего, кроме энтузиазма! Освещение - две семиметровых лампы... За двумя литрами керосина в Томск ездили... Зато - какой неуёмный огонь в крови! Даёшь Русь новую, Русь советскую!? Была какая-то непередаваемо стремительная культурная атака и самозабвенное упоение в бою...

- - Что мы все пережили: "Мы наш, мы новый мир построим!"

- - Обо всех и говорю... Переиграли мы на нашей "сцене" всего Островского. Но надо со сцены и современность дать, а пьес-то новых нет. Да ничего нет!.. Очень кстати заболел у меня зуб. Поехала к зубному врачу в Щегловск /теперь это Кемерово/. И попалась мне в приёмной зубника газета, а в ней статья о Деникине. Присвоила я эту газету /ведь я же председатель правления нардома, сердце-то болит за репертуар!/, возвратилась домой и в тот же вечер по скоростному методу составила инсценировку по статье. Вышли у меня на сцену и рабочие, и крестьяне, и красные, и белогвардейцы с Деникиным... Украина олицетворена была в образе женщины, и я на себя взяла эту роль. Вот про эту постановку и говорил тогда тот мужчина, о котором Вы сегодня вспомнили. Конечно, моя пьеса по теперешним требованиям была прямо никудышная /я же не писатель!/, но тогда... Тогда она отвечала жадной потребности людей. Всем хотелось больше знать, глубже революцию осмыслить. Ведь сколько раз мы эту "Украину" ставили! Из соседних деревень крестьяне приезжали: по пятьдесят подвод у нардома собиралось...

Прасковья Григорьевна вдруг засмеялась: что-то комическое вспомнилось.

- Я где-то читала, - продолжая смеяться, сообщила она, - какой-то актёр /это еще в средние века было/

так впечатляющее сыграл Иуду-предателя, что взвинченные зрители из ненависти к Иуде дождались выхода артиста из театра и побили его камнями. Нечто подобное и у нас произошло тогда. Мой муж играл в инсценировке роль денкинского офицера. Разбрел свеж^е раны зрителей, так обострил ненависть к белогвардейцу, что сразу же после первого спектакля приходят к нам на квартиру трое. — Извините, товарищ Антонов, но только подозрение в народе, не офицер ли ты: уж очень правильно и "в натуре" показал ты нам эту белогвардейскую сволочь. Сам понимаешь наше положение, Андрей Гаврилыч: выделили нас сделать у тебя обыск. Давай, показывай свои пожитки! — Добросовестно обыскивали.

— И что же, Вы обиделись за себя и за мужа?

— Что Вы! — удивилась моему вопросу Антонова. — Ведь бдительность была тогда злободневной обязанностью каждого. Мы и сами были так же настроены. А, кроме того, Вы, видать, забыли, что тогда в быту громадную роль играла принципиальность. Помню, я подняла вопрос о том, чтобы здание нардома занять под школу. А муж мой, секретарь сельсовета, был против. Спор у нас разгорелся, но мне и в голову не пришло упрекать его за противоположную позицию: как же можно, если у человека иные убеждения! Сельсовет уклонился от разрешения вопроса, — передал его на волю населения. Не поверите: до утра в нардоме спорили, и никто не уходил. Получи-

лось сначала, что большинство в три голоса за школу.

Потом меня перевели в деревню Светленькую Тайгинского района. Там жили кержаки-старобрядцы. Говорят мне: - "Зачем к нам приехали? Мы не просили школу. Нам школу не надо. Живём мы отвергнутые, где прикнулись." Жду, куда теперь направит меня губоно. Ну, а в ожидании, чтоб время не пропадало, начала я ликбез. Вечерами грамоту при жировиках осваиваем, а устанем от занятий - песни разучиваем: "Ах, куда ты, паренёк, ах, куда ты?". Поёшь со всеми "По долинам и по взгорьям", и стираются грани, забываешь, что ты учительница и что поют вместе с тобою твои ученики, кажется, что поют с тобою твои однопольчане на очередном привале в боевом пути от старого к новому. Мой Юра /тот, что погиб в Отечественную войну; тогда ему было четыре года/, забравшись, по обыкновению, к ученику Василию на колени, тоже поёт.

- Вам приятны эти воспоминания? - перебиваю я Прасковью Григорьевну.

- Очень! "Что пройдет, то будет мило". Может быть, потому и люблю я об этом времени вспоминать. Или потому, что много в этом революционной романтики: переделка жизни, замена старого новым, жаркие мечты и большие ожидания... Будничные, но воистину героические переживания деревенского масштаба! А как жадно люди к знанию стремились! Какая удивительная была самодисциплина!

- Куда же направило Вас губоно из Светленькой? -

напомнил я собеседнице.

- Не пришлось направлять. Приходит как-то на ликбез. этаким кряжистый великан - председатель сельсовета. Постоял, послушал и говорит моим ликбезникам: - Выбелите завтра Евстигнееву избу и занимайтесь там, что тесниться тут без нужды!

Евстигнеева изба была заброшена хозяином и стояла заколоченной. В ней и начала я школьные занятия. В горнице была наша квартира, в кухне поставили длинные столы, скамейки - получилась школа. На полатах спало четверо хуторских ребят-школьников: им далеко было ходить. В русской печке они картошку в чугунах варили. Вот так закипела жизнь в Евстигнеевой избе...

- Оказалось, что школа-то кернякам нужна была все-таки?

- Оказалось, что нужна была. Суровы были керяки, но сколько душевной мягкости за этой внешней суровостью пряталось! Когда умер Ильич, я сделала доклад о его жизни. Очень переживали. Постановили пройти с революционными песнями по всей Светленькой. У меня был большой платок. Тут же, на собрании, сделали из него знамя. Ликбезники вырезали из бумаги буквы, пришли лозунг: "Ленин умер, но жив ленинизм!" Пошли с этим знаменем по корявой от нераскатанной грязи, по занесённой снегом улице. Ледяная вьюга хлещет в лицо. Мы идём среди маленьких тёмных избушек навстречу ^{em} ~~в~~

рю, поём траурную песню "Замучен тяжёлой неволей" и горим, горим страстным желанием сражаться за новую жизнь...

Прасковья Григорьевна помолчала и добавила:

- Вот говорят "незабываемые годы". Отвлечённо это, конечно, так. А конкретно - не так. Я вот уже с трудом вспоминаю мелочи, детали прошлого. А ведь детали - это краски события. Я чувствую, что многие нюансы мною уже безвозвратно забыты. Останутся на страницах истории "незабываемых дней" факты, даты, имена... По ним легко нашей молодежи осознать событие, но очень трудно его ощутить, прочувствовать. А надо еще и чувствовать героическую эпоху. Полезно её чувствовать...

ПУТИ - Д О Р О Г И

В 1915 году я учительствовала в церковно-приходской школе села Гадалей Иркутской губернии, в 15-ти верстах от линии железной дороги.

Своеобразны деревенские школьники того времени! В них не было детской потребности порезвиться, побегать, покричать. В перемены они продолжали сидеть за партами или степенно стояли у стены. Ребятишки уже были работягами в хозяйстве: боронили, были пастухами, няньками, ухаживали за скотом. Им было не до игр. Не располагало к играм и помещение: школа ютилась в церковной сторожке. Даже вешалка для одежды помещалась в "классе".

Зато дети были очень активны в учёбе. Серьёзные, вдумчивые и рассудительные, они проявляли практический подход к занятиям. С ними приятно было заниматься; я никогда не уставала.

Среди этих ребят выделялся Денис Поробочко, ученик 3 класса. Он учился жадно и очень много читал. По воскресеньям я проводила кружковые занятия. Этих занятий он никогда не пропускал. Ребятам очень нравилось показывать на карте города, реки, горы, которых они никогда не видели и не надеялись увидеть. Познания Поробочко были реальнее: его родители были переселенцами,

и 11-летний Денис проделал с ними в товарном вагоне длинный путь от Витебска в Сибирь. Показывая ребятам Витебск и линию своего пути, Поросочко восхищался тем, как широка на карте Русь, как много в ней чудес, которых не знают гадалейские ребята.

У деревенских школьников того времени была очень сдержанная, мало выразительная мимика. На уроках чтения очень трудно было развязать их эмоциональность. Денис Поросочко рассказывал всегда с возбуждением, ребята любили его слушать. У него была удивлявшая меня способность насыщать рассказ живыми красками, делать описываемые события яркими, ощутимыми. Впечатлению способствовала мимика: когда Денис рассказывал, серые западающие глаза его блестели, черты худоцавого лица становились подвижными, руки двигались свободно и выразительно. Стройный, вихрастый, светловолосый мальчик весь отдавался рассказу. Одарённость мальчика особенно сказалась в выразительном чтении стихов. Он чутко улавливал мои указания. Больше того. Мне показалось однажды, что, читая на школьном утреннике наизусть, мальчик потерял продолжение и потому затруднялся читать дальше.

"Ты, подкидыш, к нам откуда?"

Не зови - придёт!

Убирайся-ка отсюда!.."

Очень длинная пауза обеспокоила меня, я пришла ему на помощь, подсказав продолжение:

"Не пойдёшь? Так - вот!.."

После утренника Поросочко уверенно сообщил мне:
"Вы думали, что я спутался, Лидия Михайловна?!"

Я не спутался. Я потому остановился, что там надо было долго молчать..."

Этот случай убедил меня в том, что мальчик очень чутко ощущает эмоциональную выразительность паузы.

Однажды во время беседы Денис высказал такую мечту.

"Когда я выучусь, я буду работать на железной дороге. Заработаю много денег, куплю коня и такой же фаэтон, как у лавочника Чернобородова. И уж покатаю же я тогда в фаэтоне свою мамочку!"

Я попыталась проявить заботу о его будущем.

Я и местный священник сообщили о незаурядных способностях мальчика в Иркутск, в епархиальное ведомство. Переслали туда его школьные работы. Епархиальное ведомство согласилось с тем, что мальчик одарён. Одна из его экзаменационных работ - переложение баллады Шиллера - была полностью напечатана в "Епархиальных ведомостях" как доказательство творческой одарённости Дениса, вложившего в пересказ много своих красочных правдоподобных подробностей и художественного чутья.

Но на этом и остановилось участие к мальчику.

Чтобы дать Денису возможность продолжать учёбу, нужна была денежная помощь. Но кто мог оказать такую помощь в годы самодержавия?

Неудачная попытка вывести Дениса на дорогу не разочаровала меня в моей культурной роли на селе. Я сама, сдав экстерном экзамен за 4 класса гимназии, с трудом завоевала звание учительницы и к тому времени по личному опыту уже хорошо знала, что пути к знанию недоступны для моих ребят...

Революция все изменила...

В 1921 году я работала в десятилетке г. Канска. Много переростков, не имевших возможности нормально учиться до революции, приезжали теперь держать экзамен, чтобы затем определиться на курсы специалистов.

Среди приехавших был коренастый крепыш лет пятнадцати, называвший преподавателей "дяденьками" и "тётьеньками". Он был неуклюж, грубоват, но добродушен и непосредственен.

Шёл экзамен по математике. Юноша держал за 6 классов. Письменную задачу он решил своеобразно, но правильно. Устные ответы давал молниеносно. Преподаватели были в восторге от обстоятельных ответов паренька.

- Кто тебя готовил? - заинтересовался директор десятилетки Леонид Сергеевич Францов.

- Сам готовился, - степенно сообщил подросток.

- Выходит, что ты Ломоносов?

- Ломоносов, - без усмешки подтвердил экстерн.

Леонид Сергеевич не возражал, но с сомнением по-

качал головой.

- Ну, а вот ты два раза упомянул в ответах какое-то слово тахитит. Что это за слово "тахитит"?

- А так в книжке написано! - на этот раз несколько смутившись, ответил паренёк.

- Неужели так в книжке? - усомнился Леонид Сергеевич.

- У меня книжка с собой. Я покажу.

- А ну, покажи!

Юноша вышел и через минуту принёс истрепанный учебник Киселёва.

- Вот! - показал он нужное место директору.

Леонид Сергеевич засиял, заулыбался. В учебнике латинским шрифтом написано было слово "максимум", мальчик произносил латинские буквы как русские. Никто уже не сомневался теперь, что он действительно подготовился самостоятельно. Из дальнейшей беседы выяснилось, что отца у мальчика нет, мать старенькая, больная, живет бедно.

На педсовете решено было оказать "Ломоносову" содействие в учёбе: принять в 7 класс, поместить в общежитие, обеспечить питанием...

А я с удовлетворением подумала тогда о Денисе Поросочко. Я верю, что он тоже вышел на светлую дорогу, ровную, приветливую, перспективную. Вышла на такую дорогу и я, его учительница: советская власть дала мне возможность окончить Томский пединститут без отрыва от производства /1-й выпуск/.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ ПО ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ
УЧЕБНИКУ

Методика

Между тем, как подчеркивает В.В. Трунов в своей книге
«Воспитательное значение литературы»

«Чем выше на просто уровень знаний, а также умения
и навыки, тем сильнее усваиваются, тем же образом,
тем же образом усваиваются чувства, пропитываясь в них,
воспитывая на более высокой

и более с теми же знаниями и умениями в области
культуры знания, тем же образом и умениями
и умениями усваиваются и умениями усваиваются
и умениями усваиваются и умениями усваиваются

В. ОСОКИН,
выпускник 1940 года.

ВАЖНОЕ СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ УРОКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

В решении школой такой важной исторической задачи, как воспитание нового человека — строителя коммунизма, огромная роль принадлежит литературе. Но в школьном преподавании этого предмета до последнего времени господствовали не оправдавшие себя методы и приёмы, рассчитанные по существу лишь на простое усвоение содержания произведений и литературоведческих знаний, в отрыве от животрепещущих задач современности. Слишком много внимания уделялось так называемым разборам, выделению и систематизации черт характера действующих лиц, перечислению особенностей формы произведения, делению его на части и придумыванию названий к ним. Всё это искусственно обедняло уроки по литературе, снижало их воспитательное значение и, конечно, мало способствовало формированию у школьников правильных взглядов и вкусов.

Между тем, как подчеркнул Н.С.Хрущев в своей речи на Всероссийском съезде учителей,

"Нам нужно не просто усвоение знаний, а превращение их в глубокие идейные убеждения, такие убеждения, которые рождают сильные чувства, проявляются в делах, в поступках на благо народа".

В связи с этим Министерство просвещения РСФСР в августе текущего года обратилось к руководителям народного образования и учителям-словесникам с важным методическим письмом, в котором даются конкретные рекомен-

дании по улучшению преподавания литературы.

Чтобы уроки литературы в наибольшей степени способствовали решению воспитательных и образовательных задач, говорится в письме, учителю следует по-настоящему заботиться о создании условий для эмоционально-эстетического восприятия текста. Иначе говоря, изучаемые художественные произведения должны оказывать как можно более сильное воздействие на чувства учащихся, вызывая в них живое и непосредственное отношение к действиям и поступкам литературных героев.

Поэтому главным и решающим в занятиях по литературе признается чтение произведений вслух, глубоко раскрывающее смысл и содержание каждого произведения. Речь идет прежде всего о выразительном чтении учителя, которое лучше, чем любые другие приёмы и методы занятий, способствуют выявлению великой воздействующей силы художественного слова и пробуждению чувства прекрасного. Не создавая собственных эстетических ценностей, выразительное чтение педагога, если оно хорошо подготовлено, делает большое и нужное дело, так как заставляет говорить само за себя изучаемое в классе творение писателя. Оно вызывает усиленный интерес к произведению и является вместе с тем первым этапом глубокого осмысливания текста.

Разве сравнишь впечатляющую силу выразительного чтения с унылым и нецеленаправленным словесным разбором текста "по пунктам", в котором внешне всё на месте и всё правильно, но который в конце концов надоедает, убивает интерес к произ-

ведению, а то и просто вызывает отвращение к нему.

Наши слушатели, вероятно, помнят известный сонет Шекспира, в котором автор говорит о нежных розах:

Пусть у цветов, где свил гнездо порок,

И стебель, и шипы, и листья те же,

И так же пурпур лепестков глубок,

И тот же венчик, что у розы свежей, —

Они людских не радуют сердец

И вянут, отравляя нам дыханье.

А у душистых роз иной конец:

Их душу перельют в благоуханье.

Нечто подобное происходит и с уроками литературы, напоминающими, с одной стороны, свежую, душистую розу и, с другой, напоминающими цветок, в котором "свил гнездо порок". Ибо совершенно так же, как

Мы в нежных розах ценим аромат,

В их пурпуре живущий сокровенно, —

в произведениях литературы человеку свойственно ценить то особое "благоуханье", которое живет в них и, будучи воспроизведенным в звучащем слове, доставляет слушателям истинное наслаждение...

Это наслаждение важно не само по себе; оно необходимо как средство активизации занятий. Именно на основе такого активного восприятия в форме живого слова, развивающего захватывающий интерес к произведению, оказывающего на слушателей глубокое эстетическое и нравственное воздействие, только и возможно эффективно строить занятия, превращать их в живые и задушевные

беседы между учителем и учащимися, в ходе которых учитель легко может направить внимание своих питомцев к тем моральным, идейным и эстетическим проблемам, которые поставлены автором произведения и которые волнуют советских людей в настоящее время.

При таком методе занятий даже непосредственно в трудовом воспитании, которое в основном осуществляется, конечно, в практической работе, роль уроков литературы приобретает первостепенное значение. Это весьма важно учитывать, так как наша литература, особенно советская, полна произведений и картин, поэтизирующих труд и прославляющих людей труда, показывающих красоту и величие созидательной деятельности. Достаточно назвать хотя бы такие произведения, как "Мать" Горького, "Молодая гвардия" Фадеева, "Поднятая целина" Шолохова, "Как закалялась сталь" Н.Островского.

Задача учителя заключается в том, чтобы, пользуясь средствами речевой интонации, как можно ярче и эмоциональнее воспроизводить в чтении страницы книги, воспроизводить так, чтобы образы и картины произведения, как живые, вставали перед глазами учащихся. Тогда и беседы о прочитанном, разбор произведений, знание которого отрицать нельзя, не будут казаться учащимся скучными и утомительными. Эти беседы будут волновать учащихся не меньше, чем само произведение.

Такой положительный опыт в настоящее время есть у многих наших выпускников, владеющих мастерством выразительного чтения в полную меру их сил и возможнос-

тей.

К сожалению, некоторые студенты нашего вуза, проходя педагогическую практику в школе, должным образом не готовятся к чтению, полагая, что, коль скоро текст знаком, прочесть его на уроке не так уж трудно. Однако вскоре сами убеждаются, что неподготовленное чтение не даёт тех результатов, которых мы вправе от него ожидать.

Чтобы чтение в классе действительно стало могучим средством повышения воспитательных занятий по литературе, на подготовку к нему не следует жалеть времени. Труд учителя окупится сторицей.

